

Мотылек. Театр Мастерская Петра Фоменко. Пресса о спектакле

Коммерсант, 19 декабря 2002 года

Неуставное отношение к театру

"Мотылек" в театре Петра Фоменко

Театр "Мастерская Петра Фоменко" показал премьеру спектакля "Мотылек" по пьесе Петра Гладилина в постановке Евгения Каменьковича. Вообще, этот популярный московский театр ставит почти только классику и к современным российским пьесам обычно стоит спиной. До нынешней премьеры обозреватель Ё РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ, может быть, и упрекнул бы "Мастерскую" в излишнем консерватизме, но теперь магистральную репертуарную политику одобряет и поддерживает.

Командиру воинской части докладывают: произошло невиданное ЧП – рядовой превратился в рядовую. Еще вчера был юноша, а теперь вот, пожалуйста, настоящая девушка: солдат Николай Лебедушкин стал Натальей. Обалдевшему полковнику немедленно предъявляют коротко стриженную барышню в форме. Оказывается, что солдат так настрадался от дедовщины, что необъяснимым образом поменял пол. Словом, конфуз и позор, пятно на всю воинскую часть. Транссексуала решено переселить из казармы в клуб и каким-нибудь столь же волшебным образом, пусть и с привлечением традиционных приемов муштры, вернуть в исходное состояние. Новоиспеченной девушке только того и нужно: он(а) бредит сценой, до призыва учился в театральном вузе, а теперь сочиняет драму и мечтает сам(а) ее разыграть. Так что на клубных подмостках чувствует себя как дома.

Пьеса Петра Гладилина начинается очень смешно. И если режиссер Евгений Каменькович принял решение о постановке, прочитав только первые десять страниц "Мотылька", то я его отлично понимаю – хорошая завязка, современная ситуация с волшебным и лукавым выворотом. Тут и герой странного свойства, и военные вроде как не совсем настоящие: что это за полковник такой, который из всех великих мужей прошлого первым делом вспоминает обоих основоположников Московского художественного театра. Кажется, возможностей развить исходную ситуацию и расписать роли для актеров хоть отбавляй. Но драматург Гладилин почему-то выбирает самую неинтересную и вытопанную тропку. Он поворачивает действие в сторону "волшебной силы искусства". То есть девушка Наталья постепенно соблазняет бывшего полковника театральной игрой.

Сначала нам показывают нечто в духе чеховской "Чайки": Лебедушкин(а) разыгрывает монолог собственного сочинения, представ Треплевым и Ниной Заречной в одном лице – даже текст стилизован под чеховский, – а командиру достается роль Аркадиной. Во всяком случае, творчество солдата вполне укладывается в аркадинское определение монолога о мировой душе – "декадентский бред". Но потом возникает идея сыграть на

двоих отрывок из шекспировского "Отелло", где вояка – мавр, а его узница-наставница, соответственно, Дездемона. Отринув стыд, полковник все глубже и глубже уходит в репетиции, и вот наконец наступает кульминация – грузный лысеющий служака размазывает по физиономии черный грим и в импровизированных декорациях исполняет на гарнизонной сцене с бывшим солдатом дуэт из трагедии Шекспира. Почему-то под музыку Горана Бреговича. Честно говоря, Юрию Степанову и Полине Кутеповой, одним из лучших актеров труппы Петра Фоменко, играть в "Мотыльке" особенно нечего. Если вспомнить знаменитую сочную шутку Фаины Раневской, то можно сказать, что им предложено поплавать баттерфляем в унитазе. Правда, и за этим тщетным занятием наблюдателю приятно их заставить. Евгений Каменькович – режиссер разумный и надежный, вместе с актерами он делает все, чтобы зрители не заскучали, но идти наперекор прихотям драматурга он все-таки не в силах. Да и зачем бы тогда было браться за гладилинского "Мотылька"?

Дело в том, что автор только на первый взгляд рассказывает лукавый современный анекдот. На самом-то деле он очень хочет поведать зрителю о чем-то сокровенном и пафосном. Первый раз вздрагиваешь и чуешь недоброе, когда превращенный солдат ни с того ни с сего произносит какую-то философскую сентенцию о праве личности на творчество. Потом вздрагивать приходится все чаще и чаще, потому что о волшебном толкуют все чаще и настырнее. Настаивая на своем, драматург под конец пьесы придумывает героям внезапные учения и с помощью садиста-капитана отправляет несчастную девушку под гусеницы какой-то военной машины, где она и гибнет. Чтобы потом белым призраком мелькнуть на подмостках перед опустошенным, осиротевшим полковником, которого поманила была иной жизнью да и упорхнула мотыльком в небытие. А свеча, при которой Отелло гримировался, осталась после Лебедушкина гореть неугасимым пламенем и стоит трагически одиноко перед занавесом...– финал, и вправду способный украсить любой гарнизонный клуб.

Известия, 19 декабря 2002 года

Алексей Филиппов

Ангельский способ откосить от армии

Мастерская Петра Фоменко выпустила очень смешной спектакль Рядовой гвардейского десантного полка, во времена оны бравшего Берлин, а теперь прозябающего в страшной глухомани, бок о бок с вонючим свинарником, превратился в девушку. Количество перешло в качество: комроты намочил солдатские кальсоны, велел рядовому их надеть и отправил его в караул - тут-то и совершилась трансформация. Куколка превратилась в бабочку, солдат решил окончательно откосить от службы; Петр Гладилин написал об этом пьесу "Мотылек", Евгений Каменькович поставил ее в Мастерской Петра Фоменко.

Тот, кто регулярно ходит в театры, на протяжении последних пяти-шести лет видел несколько "Вишневых садов" и "Чаяк", некоторое количество "Ревизоров" - а вот с историями, имеющими отношение к сегодняшней жизни, дело обстоит хуже. Без них посещение театров превращается в ритуал, когда актеры год за годом повторяют одни и те же слова. Порой они делают это очень хорошо - но как живое искусство театр все равно не воспринимается.

В расположении гвардейского полка воеет вьюга: полковник тоскует и пьет горькую. Затем на сцене появляется рядовой Николай Лебедушкин: при виде изменника полу полковник теряет дар речи, а сидящие в зрительном зале начинают хохотать.

Полковником стал плотный, недоверчивый, себе на уме Юрий Степанов (широкая публика знает его по "гражданину начальнику" из одноименного сериала), Лебедушкиным - воздушная, нежная, нарисованная прозрачными акварелями Полина Кутепова. Воеет ветер, воняет свинарник, полковник решает задачу обратного превращения: девушка должна стать мальчиком. Тут-то и начинается самое главное.

В Мастерской Фоменко вышла комедия положений: рядовой превратился в ангела света, ангел очутился среди монстров. Троглодит капитан (Тагир Рахимов); мучительно борющийся с русской речью, зомбированный хроническим алкоголизмом военврач (Олег Нирян), биоробот адъютант (Анатолий Горячев) и сохранивший некоторое человеческое подобие полковник не могут понять, что им делать с симулянтом-салабоном - Лебедушкина прячут в красном уголке и начинают усиленно тренировать. "Подъем-отбой!.. Подъем-отбой!": глядишь, он и станет парнем.

Но затем происходит невероятное (оно и понятно: пьеса Гладилина проходит по ведомству "новой драмы", а та сплошь замешена на абсурде). Метящий в генералы полковник и мечтающая вернуться в родную Москву девушка Коля начинают репетировать "Отелло". Выгнанный из театрального Лебедушкин пишет пьесы и бредит театром, а комполка смертельно устал от воинской службы и самого себя: сперва иной, более полно выражающий его сущность облик обрел рядовой, теперь начинает меняться и офицер - по крайней мере, духовно.

И это чрезвычайно смешно. Бесплотная Коля Лебедушкин шьет театральные костюмы из клубных занавесок, рассказывает думающему о своем полковнику о величии театра, делает ему режиссерские замечания, а у Юрия Степанова играют лишь лицо и глаза: видно, что человек начинает думать и чувствовать и это ему внове. Дело кончится тем, что полковник станет Отелло, а Лебедушкин Джульеттой - они сыграют ночью и выйдут на поклон перед пустыми креслами гарнизонного клуба... А затем начнутся учения, комроты потащит на них слабо протестующую Лебедушкина, и бедняжку раздавит БТР.

В Мастерской Фоменко вышла очень хорошая комедия. Как ей и положено, она чуть глубже собственных ситуаций. Не в меру духовный Лебедушкин сменил облик, а затем и вовсе простился с землей, отчаянно тоскующий полковник навсегда привязан к беспросветно-унылому быту, а остальные не чувствуют от этого никакого дискомфорта: праведники уходят, приличные люди маются, нелюди живут в свое удовольствие. Эта не бог весть какая глубокая мораль в спектакле звучит на редкость свежо: авторский текст необычен и крепок, режиссура умна, актеры даровиты и опыты - и театр превращается в живое искусство, способное доставить удовольствие и докеру, и брокеру, и даже умученному множеством посредственных спектаклей театральному критику.

Время МН, 19 декабря 2002 года

Ирина Корнеева

Один барабан, две трубы...

Евгений Каменькович поставил в "Мастерской Петра Фоменко" "Мотылька" — военную сказку с печальным концом.

...Вьюга. Зима. Собаки лают. На краю дикого поля, там, где начинается вечная мерзлота, стоит военный гарнизон. На плацу играет маленький военный оркестр: один барабан, две трубы. Интервалы между музыкальными номерами занимает трагическая история пребывания интеллигента в армии. Будущего актера, может, даже гениального. Он вылетел с первого курса театрального института. Симулировал шизофрению, глотал иголки, пил йод, но его все равно признали годным к строевой службе.

Написал отчаянную исповедь молодого бойца сценарист, поэт, эссеист, художник, арт-продюсер, драматург, режиссер театра и кино, создатель собственной театральной ассамблеи, иронист, мистик и "метафорист" (так он сам когда-то себя называл) Петр Гладилин. В его пьесах, как в сказках, совершаются удивительные превращения. Вот и в "Мотылке" от безвыходности рядовой Николай Лебедушкин стал девушкой. В прямом смысле — взял и переродился. Чтобы теперь никто не смог ему сказать: иди, Коля, защищай Родину... В постановке Каменьковича рядового Лебедушкина блестяще сыграла жена режиссера Полина Кутепова. Ее герой рвется в Москву как три сестры и сочиняет пьесу из одного пространного монолога как Костя Треплев. В его пьесе "Озельма — Король пчел" масса невидимых персонажей и два действующих лица: король пчел и его возлюбленная красавица Сольминор, заблудившаяся в космической беззвездности. Да и сам рядовой Лебедушкин — сказочное существо из страны эльфов, чудом попавшее в армию. Только финал у двух пьес не канонически сказочный: Король пчел умирает, Сольминор читает над его телом молитву. Умирает и Лебедушкин — во время боевых учений попадает под машину. А он так хотел вырваться из казармы домой и так желал свободы и одиночества...

Нельзя сказать, что с пьесой Гладилина Каменькович обошелся так же бережно, как, скажем, с текстами другого любимого им молодого драматурга Ольги Мухиной, из которых он не выкидывает ни слова. В "Мотылке" Каменькович где-то сделал купюры, где-то дописал что-то остроумное, опустил некоторые подробности. Но его редакция пошла на пользу. И по хорошей пьесе он поставил очень хороший спектакль. А то, что войны нет, но Родину защищать все равно надо — это все детали. Пусть и судьбоносные.

Время новостей, 20 декабря 2002 года

Марина Давыдова

Спасти рядового Лебедушкина

В «Мастерской Петра Фоменко» выпустили «Мотылька»

Был такой американский фильм GI Jane («Солдат Джейн») с Деми Мур в главной роли. Брутальная и мускулистая героиня Мур вербовалась в элитные войска США - морскую пехоту. Брилась наголо, жила в казарме, совершала марш-броски с полной боевой выкладкой и неопровержимо доказывала, что баба - это тот же мужик, только гораздо лучше. В финале пехотинцы, среди которых конечно же оказывалось немало male pigs (мужчин-свиней), вынуждены были признать равенство полов. Феминизм и политкорректность, взявшись за руки, праздновали победу.

Так вот пьеса Петра Гладиллина «Мотылек», которую поставил с фоменковцами их верный друг и учитель Евгений Каменькович, совсем о другом. А именно: как-то раз в забытой Богом и занесенной снегами военчасти солдат с тонкой и ранимой душой по фамилии Лебедушкин превратился в девушку. Полковник с присными туда-сюда, ан ничего не попишешь: девушка, и все тут. Комиссуйте меня, говорит, потому что я как есть не выношу грубостей казарменной жизни, зато обожаю театр и собираюсь посвятить свою жизнь сцене. Позор, поношение. Превратить рядового из женщины в человека берется сам полковник, но, связавшись со спонтанным транссексуалом, сей муж сам постепенно пропитывается тлетворным интеллигентским духом, преисполняется святой любви к искусству и даже начинает вместе с Дездемоной-Лебедушкиным репетировать роль Отелло. Ближе к финалу мы окончательно понимаем, что и генералы чувствовать умеют. Стоит ли говорить, что превращение солдафона в лицедея, еще более чудесное, чем превращение Лебедушкина, оплачено жизнью последнего. В неравной схватке с жестокой средой рядовой артист и драматург гибнет.

Перу Петра Гладиллина помимо этой душераздирающей истории принадлежит немало других. Например, «Ботинки на толстой подошве» (смотри спектакль с Валерием Гаркалиным и Александром Феклистовым) или развивающая военную опять же тематику пьеса «Любовь как милитаризм» (смотри спектакль в «Табакерке»). Все эти опусы никак не отнесешь к ведомству переживающей ныне подлинный расцвет новой драмы. Пьесы Гладиллина драма не новая, а репертуарная или, как сказали бы сейчас, мейнстримная - с ясным сюжетом, старательно выписанными ролями и более или менее смешными репризами. По законам репертуарной драмы произведения Гладиллина и надо судить. Однако даже по этим законам «Мотыльку» придется инкриминировать целый ворох жанровых несообразностей. Забавная поначалу комедия по ходу дела то воспаряет в сферы пошлейшей мелодрамы, то проваливается в бездны маловысокохудожественной эстрады, а ближе к финалу и вовсе скатывается в пафосную графоманию. Дело не могут поправить ни обширные цитаты из Шекспира, ни тонкие реминисценции из чеховской «Чайки» (пьеса о заплутавшей в космическом пространстве Соль Минор, которую пишет рядовой Лебедушкин, без сомнения отсылает нас к пьесе о мировой душе г-на Треплева) и булгаковского «Театрального романа» (полковник беседует с новоиспеченным драматургом совершенно как Иван Васильевич с писателем Максудовым).

Что заставило взяться за этот драматургический материал Евгения Каменьковича, несложно догадаться. У него под рукой были отменные артисты - эфирное создание Полина Кутепова и способный сыграть хоть поваренную книгу смешной увалень Юрий Степанов. А что еще, спрашивается, надо? Особенно если учесть, что Каменькович, как истинный «фоменковец», любит и умеет работать с артистами. Оказывается, надо. Это в прежние времена Мочалов мог, скрестив руки на груди, произнести слова Коцебу: "Сердце мое подобно давно засыпанной могиле, зачем разрывать ее и заражать воздух?". Произнести так, что рецензент напишет потом: «Эта минута была сценическим торжеством Мочалова». Нынче не то. И не потому, что Степанов не Мочалов, а «Мотылек» - не поваренная книга и уж тем более не Коцебу. Сценический темперамент и личное обаяние уже не могут стать залогом успеха, когда спектакль в целом оказывается заложником полуграфоманской пьесы. А он таки оказывается, ибо режиссер доверился Гладилину полностью и безоглядно. Пока «Мотылек» остается в рамках забавной шутки, театральное произведение Каменьковича и Степанов с Кутеповой чудо как хороши. Как только он начинает буксовать на жанровых поворотах, и режиссера и артистов засасывает тряпина сентиментальщины. В финале после гибели Лебедушкина нам предлагают достойный драматургии Гладилина сценический ход - перед задернутым занавесом зрители видят одиноко горящую свечу. Граждане, а где же Ave Maria Шуберта и медленно падающий сверху сценический снежок? Так было бы красивше.

Вернемся, однако, к американскому антиподу «Мотылька». «Солдат Джейн» - это, я вам доложу, то еще произведение искусства. Не хуже гладилинского. Качественно изготовленный голливудский треш с неизменной слезодавилкой в финале. Но я не о художественных достоинствах фильма, я о пафосе. Женщина, примеряющая на себя мужскую доблесть, - это, как ни крути, архетип. Тут вам и амазонки, и кавалерист-девица Надежда Дурова, и многочисленные героини испанских комедий плаща и шпаги. Солдат Джейн вписывается в эту шеренгу как влитая. То есть и в мифологическом далеко, и в царской России, и в насквозь пропитанной феминизмом американской действительности женщина стремится стать вровень с мужчиной. А у нас вот наоборот. В нашем маскулинном обществе единственная возможность остаться человеком стать женщиной. Во как! Так что пьеса Петра Гладилина представляет собой в первую очередь объект для социологического анализа. Что касается эстетики, то тут диагноз ясен и без анализов.

Артур Соломонов

Крылышками бяк-бяк-бяк

В московском театре "Мастерская П. Фоменко" поставили пьесу современного автора Петра Гладиллина «Мотылек». Роль рядового Лебедушкина исполнила Полина Кутепова.

«В пятой роте рядовой Лебедушкин превратился в девушку!» И - все смешалось в дальней казарме. И не только в ней - во всем гарнизоне, в головах военных начальников и медбратьев. Стоит этот Лебедушкин (Полина Кутепова) и просит отпустить его домой. Какой из него теперь солдат. Когда больные дни надвигаются. На солдата срочной службы.

Полковник (Юрий Степанов) лютует, капитан (Тагир Рахимов) делает Лебедушкину предложение, военврач (Олег Нирян) хочет известить о чуде Москву.

Актуально - про армию, про страдания молодых солдат. Злободневно: о перемене пола. Но все это - и армия, и перемена пола - для драматурга только повод поговорить о вечном. Полина Кутепова играет не мужчину, превратившегося в девушку, а существо не от мира сего, едва ли не пророка, прощающего ненавидящих его. Армия, конечно, - образ ада на земле.

Комедия затухает и начинается натужная абсурдистская драма.

И тогда актуальность теряется в абсурдистских высях, а комизм ситуации глохнет под напором метафизики. Склеить все это у драматурга не получается. Конечно, веселить зрителя историей о рядовом, ставшим рядовой, и рассказывать об ужасах нашей армии - это, конечно, задача не для драматурга, отправляющегося чуть ли не в мир платоновских идей. Вообще, по-моему, зря он туда отправился. Тем более что так и не долетел, застрял где-то на полпути. Драматург попадает в собственную ловушку. И затягивает туда и актеров с режиссером.

Абсурд? Превосходно. Но предсказуемый абсурд - как сухая вода. Ведь всякий сразу просчитает, что полковник, взявшийся перевоспитывать эту девушку (юношу), будет сам перевоспитан ей же. Что такому существу одна дорога - в облака. Помрет.

Действие вращается вокруг Лебедушкина и полковника. Лебедушкин любит театр, просто жить без него не может. И заканчивается все тем, что полковник исполняет роль Отелло, а Лебедушкин играет Дездемону. Занавес открывается и закрывается, проходят люди в камуфляже с масками на лицах и выдувают из своих духовых печальные мелодии, бегают полковник, загримированный под мавра, Лебедушкин бубнит роль Дездемоны. В общем, крещение культурой проходит успешно, и выясняется, что ничто человеческое солдафону не чуждо.

И вновь возникает вопрос: зачем театру такого уровня текст Петра Гладиллина? Стоит ли рисковать? Стоила ли игра свеч? (Кстати, на сцене то зажигают, то гасят свечу - прием почтенного провинциального театра.)

Жаль, что хохот в зале становится все тише, а мысли, которые все упорнее подаются в лоб, честно говоря, «пролоббированы» уже давно. И актеры театра Фоменко, мне кажется, не очень уютно чувствуют себя в этом стерильном тексте. Хотя, что говорить, они великолепны. Когда Юрий Степанов разговаривает со своей тенью, Тагир Рахимов бережно укутывает шинелью Полину Кутепову, сообщая, что та напрасно его не боится, - понимаешь все про героев пьесы. А больше и понимать в общем-то нечего. Кроме того, что, если в одном из лучших московских театров выйдет еще несколько хорошо сделанных спектаклей по не очень хорошо сделанным пьесам, гипноз театра Фоменко, под которым находятся все, кто туда когда-либо заглядывал, начнет понемногу пропадать.

Ведомости, 23 декабря 2002 года

Олег Зинцов

Наряд вне очереди

"Мастерская П. Фоменко" переделалась в камуфляж

Самое удачное в пьесе Петра Гладилина "Мотылек" - первые 10 минут. В некой десантной части, дислоцированной где-то на Севере, лейтенант докладывает полковнику: нашего полку ubyло - рядовой Лебёдушкин превратился в девушку, не выдержав дедовщины и прочих ужасов армейской жизни. Дальше, однако, следует не комедия абсурда, а ровно то, что обещает программка: режиссер Евгений Каменькович поставил "утопическую мелодраму в 5-ти картинах", пригласив на главные роли Юрия Степанова и Полину Кутепову.

Самое удивительное в новом спектакле "Мастерской Петра Фоменко" - выбор текста. Дело не в том, что в театре Фоменко всегда предпочитали классику (исключения все-таки были) , и даже не в том, хорошо или нет сделана пьеса "Мотылек", - важнее, что это драматургия особого сорта; за неимением лучшего определения назову ее

"антрепризной". Комическая завязка, слезливый финал, две роли для звезд, еще три - вспомогательные, минимум декораций и реквизита, хоть сейчас садись в поезд и поезжай на гастроли. Гладилин написал пьесу про то, как в грубый и жестокий современный мир попадает тонкая артистическая душа; разумеется, ненадолго - энтомологическая метафора в названии сполна описывает сюжет. Тема эта, замечу, вообще очень волнует экс-советскую творческую интеллигенцию - недавно похожая трепетная героиня порхала по экрану в фильме Игоря Масленникова "Письма к Эльзе": подобно гладилинскому персонажу, она была не от мира сего и мечтала о театре. В "Мотылке" чудесным образом изменивший пол рядовой Лебёдушкин (Полина Кутепова) сочиняет символистскую драму "Озельма, король пчел" и разыгрывает ее перед полковником (Юрий Степанов) на сцене местного клуба. Эпизод стилизован под спектакль Треплева из чеховской "Чайки" и логично завершается цитатой из той же пьесы - аркадинской рецензией "декадентский бред". Дальше - хуже: полковник на пару с Лебёдушкиным начинает ночами репетировать "Отелло" и даже играет перед пустым клубным залом воображаемую премьеру, надев кружевную рубашку и вымазавшись сажей. Выясняется, натурально, что и десантники чувствовать умеют, а театр - это волшебство. Для контраста в пьесе выведен садист-капитан (Тагир Рахимов), который обещает, что Лебёдушкин вернется домой в цинковом гробу. Воспринимать все это всерьез нет никакой возможности, но Каменькович, понятно, ставил спектакль не шутки ради: в финале на сцене горит свеча, призрак убитого Лебёдушкина тихо проходит вдоль задника, а Юрий Степанов в одиночестве читает тот самый "декадентский бред".

Самое нелепое - предположить, что это сознательный шаг в сторону массового вкуса: так в лучшие годы МХТ Станиславский и Немирович-Данченко включали в репертуар пьесу Сургучева, ныне справедливо забытого. Но в театр Фоменко, во-первых, и так не достать билетов, во-вторых, публика здесь по большей части не случайная и у нее "Мотылек" вызовет, скорее всего, такое же недоумение, как и у меня: чем дальше, тем больше кажется, что ошибся адресом.

Самое смешное - допустить, что в "Мастерской Фоменко" решили не отставать от моды на новую драму, а поскольку представить на этой сцене пьесы Равенхилла, Сары Кейн или братьев Пресняковых было бы дико, искали что-нибудь гораздо менее радикальное, зато более возвышенное. С другой стороны, Каменькович и Гладилин не впервые работают вместе, а у Юрия Степанова - одного из лучших артистов театра Фоменко - давно уже не было главных ролей, и его дуэт с Полиной Кутеповой хотя бы отчасти оправдывает затею. Понятно, что смотреть на этих актеров интересно даже в гладилинском сюжете - но лучше бы все-таки в каком-нибудь другом.

Вечерняя Москва, 24 декабря 2002 года

Ольга Фукс

Рядовая Лебедушкин хочет к маме

"Даже не знаю как доложить, товарищ полковник. Такого ЧП у нас еще не было. Рядовой Лебедушкин из пятой роты стал девушкой". Полковник поперхнется чаем, почешет затылок. Поинтересуется, "все ли мужское достоинство отсутствует" у загадочного рядового и "что тогда имеется в наличии". Услышит, что в наличии имеются "грудь и сопрано", И придется полковнику решать кадровую задачку, которая не описана ни в одном учебнике по военному делу.

Ситуация и название пьесы сомнений не оставляют - добром дело не кончится. Мотылькам ведь положено лететь на свет и сгорать. Фантасмагорическую задачку с грустным решением задал драматург Петр Гладиллин. Поставил Евгений Каменькович в паузе, пока большая часть "фоменок" гастролировала по Европе и Японии. После длительного перерыва в премьеры занят один из ведущих "старичков" труппы Юрий Степанов (полковник). И по литературным масштабам, и по "плотности" режиссуры "Мотылек" - камерная интермедия между конгениальными Пушкину да Толстому спектаклями "генерал-лейтенанта" Петра Фоменко (согласно табелю о рангах от коллег по цеху). Но интермедия очень симпатичная и сентиментальная-сентиментальная. В другом театре сквозь сентиментальность пьесы нет-нет да и проступило бы дурновкусие, но "фоменки" превращают в поэзию все, к чему прикасаются, точно античный царь Мидас - в золото.

Итак, рядовой Лебедушкин (Полина Кутепова) был натурой творческой и ранимой. Выгнанный из театрального института и загремевший в армию, он не утратил любви к театру и даже сочинил кусочек пьесы про межзвездные миры и межпланетную великую любовь. От издевательств ротного капитана Лебедушкин, что называется, решил на крайность и превратился в девушку. И теперь вместо обычного москвича-интеллигента-рядового "в наличии имеется" хрупкое рыжее существо, которое бредит театром, шьет изящные платица из занавесок, томно жалуется на "больные дни" и жалобно просит отпустить его, то есть ее, в Москву к маме. Солдафоны перед сложной дилеммой-то ли в бараний рог согнуть этого симулянта, то ли отпустить барышню подобру-поздорову.

Непременная ирония и подчеркнутый аристократизм - то, что всегда отличало игру "фоменок" вообще и в частности эту роль Полины Кутеповой, чья героиня изъясняется

так изысканно и держится так гордо, точно окончила Институт благородных девиц. Зал хохочет, когда восторженная барышня по приказу полковника читает свое творение про любовь неких Азельмы и Соль Минор, а полковник ей в ответ (сам от себя не ожидая, что так расчувствуется) - про то, как "четыре дня из гостиницы с Ольгой не выходили - так любили друг друга". Но когда через несколько минут рядовая Лебедушкин противостоит в одиночку жлобу-капитану (Тагир Рахимов), который тихо, вкрадчиво, чуть ли не заботливо обещает отправить ее домой в цинковом гробу, - мороз по коже.

По закону жанра (сказку про чудесное превращение драматург счел невозможным свести просто к армейской чернухе) одного - полковника - в свою веру она все-таки обратит. Юрий Степанов замечательно играет этакого русского медведя, чья душа точно находится в спячке (а иначе не выдержать собственных воспоминаний о погибших друзьях, о бросившей жене), которому эта тонкорукая рыжая малявка в два счета расцарапала сердце. И на землю ее вроде бы надо вернуть, и не погубить при этом, и самому "летать охота". И "долетаться" однажды до ночных репетиций "Отелло" с рядовым Лебедушкиным (да простит Вильям наш Шекспир, но именно сцены из самодеятельного "Отелло" кажутся здесь скучноватыми). И до того, что гибель рядового Лебедушкина - допустимая по уставу на боевых учениях - покажется бывалому полковнику непоправимой потерей.

Итоги, 23 декабря 2002 года

Марина Зайонц

Пролетая над гнездом

"Мотылек" П.Гладилина. Мастерская П.Фоменко

Начиналось все очень мило и смешно. В армейской части случилось престранное ЧП, прямо-таки позор и несчастье. Рядовой Николай Лебедушкин (Полина Кутепова), еще вчера бритый наголо юноша, взял да и превратился в девушку с прической, конфигурациями и "больными днями". И кто теперь Родину будет защищать, спрашивается? А тут еще Коля, которого следует теперь величать Натальей Сергеевной, уверяет, что жить не может без театра, и просит отпустить его домой, потому как он - интеллигент и гений. Исправлять ситуацию приходится Полковнику, которого добродушный толстяк Юрий Степанов наделяет своим личным неистребимым обаянием, явно путающим автору все карты. Он переселяет Лебедушкина в клуб, собираясь муштрой и непосильным трудом переделывать девушку с претензиями обратно в рядового. Актеры "Мастерской", как всегда, прелестны, придуманная ситуация забавна, публика веселится - что вам еще для счастья надо? Тут-то и выясняется, что много чего надо.

Драматург Петр Гладилин в одной из новостных программ TV, серьезно и ответственно глядя в камеру, сообщил, что пьеса его к весьма актуальным армейским проблемам никакого отношения не имеет. Она о спасении души. С такой вот евангельской прямоотой и сообщил. Можете себе представить, чтобы Петр Фоменко взял да и сказал такое о своих спектаклях, которые ведь тоже что-то такое с нашими душами и делают? То-то и оно, что трудно. В общем, тут не Полковник Лебедушкина переделывает, а наоборот - Лебедушкин-Наталья Сергеевна всю старается сделать из солдафона чувствующего человека. Что по отношению к герою Степанова кажется просто лишнее, он и без того человек хороший и задумчивости не чужд. Так или иначе, Полина Кутепова в воздушных одеяниях порхает, как мотылек (он же Дух или по-простому - духовность), вокруг мятого серого занавеса армейского клуба, читает какие-то графоманские монологи с красотами о космической красавице Соль-минор, оплакивающей погибшего возлюбленного, потом переходит к Шекспиру и разыгрывает с Полковником сцены из "Отелло".

Сами видите, тут уже не до смеха. Все всерьез, со слезой и возвышенным пафосом. И так увлекся автор глобальностью темы (кто станет спорить о необходимости спасения душ человеческих), что о простых житейских вещах забыл напрочь. Например о том, что действие в пьесе должно развиваться. А актерам нужно играть хоть какой-то характер. Как, например, прикажете сыграть перерождение души, не подкрепленное сюжетом? Закатыванием глаз, вздохами, особой интонацией? Но ради пресловутой духовности, побеждающей воинский устав, забыто все, и профессионализм в частности. Поэтому лучше всего пустить нежную оперную арию, и перерождение готово.

Что побудило опытного режиссера Евгения Каменьковича и дивных актеров "Мастерской" взять эту пьесу в работу, сказать трудно. Скорее всего они попались на наживку из красивых слов. Кроме них в "Мотыльке" нет ничего. А, как сказано в одной из пьес уже упомянутого Шекспира, "из ничего не выйдет ничего".

Наверное, Каменькович хотел показать, как из нескладной клубной самодеятельности вырастает настоящее, "спасающее душу" искусство. Но из его усилий мало что вышло. Легко догадаться, что Лебедушкин должен был в конце концов погибнуть. Вместо

молитвы за упокой его души Полковник читал монолог о красоте Соль-минор. И перед мятым серым занавесом армейского клуба долго горела одинокая свеча. Ну и что тут скажешь? Смотреть на это неловко.

Еженедельный журнал, 23 декабря 2002 года

Дина Годер

Зачем вы девушки?

"Мотылек" в постановке Евгения Каменьковича

Петр Гладилин написал пьесу про то, как солдат срочной службы Лебедушкин вдруг превратился в девушку. Про панику среди командиров, про то, как полковник решил снова превратить эту девицу в бойца-мужчину при помощи усиленной боевой и строевой подготовки и что из этого вышло. Пьеса, скажу честно, ужасная. Такая претенциозная литературщина, начиненная общеизвестными сведениями об армейских зверствах. Капитан — злодей, адъютант полковника — хитрец, военврач — пьянчуга. Два главных героя: красавица рядовой Лебедушкин — артистическая личность, которая «задыхается без театра» и все время несет высокопарную ахиною, и Полковник — олицетворение народного здравого смысла, ума, таланта, душевности и прочих добродетелей.

Зачем Каменькович вообще взялся ставить это кислое произведение, которое еще и заканчивается трагически, — ума не приложу. Вероятно, тут какие-то личные обязательства — Гладилина он ставит уже не в первый раз. Но репутации одного из любимейших московских театров нанесен серьезный урон.

В сущности, никакой особенной «постановки» нет. Играют без декораций, «в сукнах», самым дешевым способом. Актеры то направо отодвинут занавес, то налево; ходят и произносят слова. Про такое говорят: «как поставил, так и стоит». А иногда выходящие на сцену люди с музыкальными инструментами перед самым носом зрителя бесстыдно

играют под фонограмму, чего никогда не было в спектаклях Фоменко. Я не возьмусь осуждать плохо играющих актеров —режиссер бросил их наедине с Гладилиным без помощи, как сирот в лесу. Но мы же знаем по другим спектаклям театра, что на самом деле эти артисты — отличные. И сердце кровью обливается, когда видишь, как очаровательная Полина Кутепова — Лебедушкин — изображает бессмысленную нервность, тревожность и манерные поэтические завывания, словно пародирует Беллу Ахмадулину. Вот только Юрия Степанова, играющего Полковника, невозможно заставить быть фальшивым: у этого увальня природная органика, как у животного. Такая была, наверное, только у Евгения Леонова. Степанов из тех актеров, которых можно выставить на сцену читать телефонную книгу и зрители будут то замирать, то покатываться от хохота, наблюдая за сменой его настроений и движением мысли. Но заслуги Каменьковича в этом нет.

Не ходите на «Мотылек» — не расстраивайтесь. А Степанова лучше посмотреть по телевизору: за роль доброго милиционера в сериале «Гражданин начальник» он уже признан телезрителями лучшим актером года.

Культура, 6 февраля 2003 года

Ирина Леонидова

Мотылек в камуфляже

Премьера пьесы Петра Гладиллина в Мастерской Петра Фоменко

В Мастерской П.Фоменко вообще-то привыкли к классике. Современная пьеса там практически не востребована, а потому и смотрится в репертуарной афише театра едва ли не случайным вкраплением. То же самое можно сказать о и спектаклях,

поставленных здесь не самим Фоменко, – эдакие интермедии в антрактах между сочинениями мэтра. Бывают, конечно, и в этой нише удачи, как у И.Поповски в “Отравленной тунике”. Евгению Каменьковичу, поставившему у “фоменок” пьесу П.Гладилина “Мотылек”, повезло меньше. Впрочем, кажется, он не особенно и старался.

Драматург Петр Гладиллин в особых представлениях не нуждается. Его пьесы “Ботинки на толстой подошве”, “Любовь как милитаризм”, “Афинские вечера” и другие игрались в театрах и антрепризах. Но сценическими долгожителями не становились, неизвестно, по чьей вине. То ли сами пьесы, как принято говорить, “странные”, то ли режиссерский ключик их редко открывал. Хотя Гладиллин не раз и сам выступал в качестве режиссера, но результат оставался схожим.

А вот с Е. Каменьковичем драматурга как раз связывают достаточно тесные и продолжительные творческие отношения. Когда-то он представил публике первую гладилинскую пьесу “Тачка во плоти”, оригинально размещенную в пространстве автосалона. Были и другие встречи. Теперь пришел черед “Мотылька,” и, вот ведь странно, необходимый авторско-режиссерский контакт так и не замкнулся. Скромненький спектакль уже с премьерных дней заслужил репутацию случайного и проходного события.

Практически все критики поспешили обвинить в неудаче именно Гладиллина. Мол, он и “странен” по-прежнему, и претенциозен не в меру, и жанрами не владеет, и вообще Бог знает что написал. Пьеска и впрямь непроста: то ли комедия абсурда, то ли фарс, то ли слезная драма. Впрочем, режиссером или самим драматургом ей было дано определенное жанровое обозначение: “утопическая мелодрама”. Если скользнуть по верхам, сюжет смешон и абсурден: в Богом забытой воинской части нежданно-негаданно рядовой Коля Лебедушкин трансформируется в девушку Наташу, существо возвышенное и не от мира сего. Бравые вояки, боясь скандала, упорным тренингом типа “упал – отжался” пытаются вернуть ей человеческое, то есть мужское, обличье. Она же, в свою очередь, отважно и рискованно пытается перетащить служаку Полковника в свой, то есть “не сей”, мир. Туда, где царит “декадентский бред”, сочиняются абсолютно неуместные и труднопроизносимые монологи-молитвы какого-то “короля пчел” и его возлюбленной Сольминор, где прямо в солдатском клубе репетируют шекспировского “Отелло”, и закаленный в боях настоящий Полковник должен по-настоящему же плакать от любви к эфемерной Дездемоне. И конечно, сразу понятно, что добром эта смешная и трогательная фантазмагория не кончится. Крылышки “мотылька” пообрывают, да и сам он будет безжалостно раздавлен каким-нибудь бэтээром.

И как, скажите, все это перевести на сценический язык, чтобы сюжет при этом не казался вымученным и надуманным, реплики Коли-Наташи не звучали нелепо и высокопарно, да и все персонажи не казались бы идиотами? К тому же сам Гладиллин успел сказать где-то в телеэфире, что пьеса его – ни в коей мере не об армии, но о спасении души. Задача, конечно, сильная, почти миссионерская. И все же, вероятно, справиться с ней было можно. И кто же предполагал, что Каменькович лениво и неспешно пойдет “по быту”, изредка заставляя зрителей похохатывать, чаще –

недоумевать. И что самое страшное для Театра П.Фоменко, общей атмосферой стало ощущение фальши, казалось бы, невозможное здесь по определению.

Кондовый солдатский клуб с лоснящимся занавесом, старенькая трибуна с красной звездой (сценография Владимира Максимова), которую любовно натирает тряпочкой Полковник – Юрий Степанов, через два слова на третье издающий: “Ну ё-мое”. Сапоги, камуфляж (костюмы Валерии Курочкиной) – все, как водится. И превращение мальчика в девочку какое-то унылое: ну вывели на сцену актрису Полину Кутепову в коротко стриженном паричке, мелодично и нараспев декламирующую. Вроде бы это некая Душа, почти та самая “мировая” из пьесы Кости Треплева (параллели с чеховской “Чайкой” очевидны) – по сути же нелепое и слегка бесполое существо, ничему не адекватное. Юродивых же у нас любят, но всерьез обычно не воспринимают. А тут вдруг бравый Полковник – Степанов почему-то подпадает под ее влияние, и мажет лицо гримом, преображаясь в Отелло, и надевает прозрачную распашонку поверх тельняшки, и силится что-то с чувством произнести. Значит, черт возьми, ведь происходит что-то с ними, действительно попадают они в какое-то воображаемое измерение. А на реальной сцене – все то же и так же, только Коля-Наташа облачилась в воздушное платье, сшитое из занавесок. Получается, просто дурака валяют на потеху публике. Стоило ли ради этого весь огород городить, да еще на “культовой” сцене? Оттого и гибель “мотылька”, и финальное возжигание свечей под чтение вышеупомянутой молитвы-монолога и впрямь немерено претенциозно и опять же фальшиво.

Положение спасает разве что Юрий Степанов в роли Полковника. Он как-то совершенно естественно, тихонько и неброско, между строк и между слов, тянет что-то свое, человеческое. Сказала бы, “психологическое”, если это уместно в “утопической мелодраме”. Его душу спасти как раз и не надо, она вполне жива. Только прячется где-то глубоко под камуфляжем и тельняшкой. Играй эту роль кто другой и по-другому, глядишь, совсем абсурд вышел бы. А на Степанова посмотришь и тут же начинаешь Полковнику соперничать, а не посмеиваться исподтишка. Хотя и он, конечно, смешон, но как нормальный человек, попавший в абсолютно ненормальную ситуацию. Вот, собственно, и все. Мотылек сгорел, Полковник остался, публика разошлась. И наверное, это действие скоро забудет. Все верно, хотя немного жаль.